

ДУХОВНО-ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Анатолий АНДРЕЕВ,
доктор
филологических наук

Диалектика развития литературы в том, что литература, как ни парадоксально, никогда не развивалась как собственно художественная словесность, в соответствии со своими внутренними потребностями, опираясь на имманентные законы художественной эволюции. Развитие литературы всегда определялось социальными потребностями, принимающими форму социального заказа; а социальный заказ, не будем лукавить, – это императивы коллективного бессознательного. Напрашивается вывод, потрясающий своей банальной фундаментальностью, граничащей с неопровержимостью: литература является заложницей коллективного бессознательного – того бессознательного, которое связано с прагматикой социального.

И не только литература, следует добавить, но и культура в целом в том числе, увы! – наука, с которой литература связана неявной, но реальной связью. В угоду социуму, который развивается в соответствии с логикой бессознательного, как и всякий организм, культура и наука обслуживают те отношения, которые актуальны на данный момент. Вопреки мифам, литературу интересует не «разумное» и «вечное», а глупое и сиюминутное, не возвышенно-прекрасное, а недвусмысленно «полезное». Что же в этом удивительного? Удивительно то, что литературу упорно считают деятельностью духовной, духовно-экзистенциальной, специализирующейся именно на вечных, «бытийных» проблемах нравственно-философского порядка, а почитают как инструмент воспитания, «уважают» за ту «пользу», которую она приносит обществу. Если литература перестанет быть общественно полезным делом, она перестанет интересовать общество; но если она перестанет быть делом «высоким», обществу это также не понравится. Подобное возвышение литературы выгодно социуму: такая невинная подмена приводит к тому, что социально-психологическое и становится собственно духовным. У общества, ценящего литературу, появляется духовная жизнь. Этот миф живет благодаря образцам великой литературы, где непостижимо сочетаются духовное и психологическое, экзистенциальное и социальное, эстетическое и философское. Одно из реальных чудес этой литературы – экзистенциальное – проявляется в оболоч-

ке социально-психологической. Например, «Евгений Онегин»: редчайший случай, когда вечное проявляется через злободневное. Но это не правило, это исключение из правил. Правил же является жесткая детерминированность литературы морально-социальной проблематикой, настолько жесткая, что литература фактически рассматривается в первую очередь как феномен социально-психологический (в плане содержательном). Тем не менее исключение из правил бессознательно рассматривается как правило, литература социально или индивидуально (не лично!) ориентированная трактуется как феномен духовно-экзистенциальный (ибо, как мы уже сказали, это выгодно социуму). Вот и получается: если «Евгений Онегин» литература, то такой литературы не существует как явления массового, существуют только единичные экземпляры, которые по пальцам перечесать; если «Евгения Онегина» опустить до уровня существующей литературы, «обычной» литературы, отвлекаясь от его исключительных философско-эстетических характеристик, то и этот шедевр А.С. Пушкина следует рассматривать в контексте исключительно социально-психологическом. Что, собственно, и делается. Таким образом, в реальности существуют две литературы (в плане информационного генезиса): литература, в которой экзистенциальное проявляется в оболочке социально-психологической (морально-психологической), в которой вечное проявляется через сиюминутное, и литература, в которой экзистенциальная содержательность игнориру-

ется и является лишь моментом морально-социального, а в последнее время все больше индивидуального, эгоцентрического, проблемного поля.

Иначе говоря, есть литература, где философско-эстетической точкой отсчета является личность (**персоноцентричная** литература, в центре которой – нравственная проблематика), и литература, где точкой отсчета де-факто являются бессознательно выставленные и принятые в качестве абсолюта критерии социума (или антисоциальные, эгоцентрические устремления: таков социальный заказ последнего времени), – **социоцентричная** литература, в центре ее – моральная проблематика, а также **индивидуцентричная**, эгоцентричная литература, в центре которой – аморальная проблематика. Проблема не в наличии одной тенденции и отсутствии (либо редуцированном присутствии) другой, а в том, что является структурообразующим философско-эстетическим центром: дело не в количественных параметрах, а в качественных.

Итак, литература экзистенциальная имеет шанс состояться и выжить благодаря тому, что маскирует проблемы личности под проблемы индивида. Это своего рода философско-эстетический фокус или социальный обман. Дело в том, что наличие духовно-экзистенциальной проблематики делает литературу содержательной в философском отношении, следовательно, литература «неэкзистенциальная» попросту бессодержательна.

Поскольку существуют две литературы, существуют и два литературоведения, обслуживающие два принципиально разных информационных комплекса. Литература персоноцентричного типа требует особой методологической чуткости к присутствию экзистенциального вещества. Проще говоря, особой – целостной – методологии, основанной на тезисе из арсенала тотальной диалектики: всё в одном и в одном – всё. В литературоведении такого типа, которое, кстати сказать, само становится моментом спектра гуманитарных дисциплин (здесь тотальная диалектика обнаруживает себя в таком модусе), акцент с «исторического» и «фактического» (хаотического, будем откровенны) начала переносится на начало теоретическое. Литературоведение стано-

вится философским, по сути – философией литературы.

Социоцентрически ориентированному литературоведению отводится функция особого идеологического комментария, и литература вместе с литературоведением делают одно святое дело во благо социума. Более того, литературоведение фактически превращается в литературу по поводу литературы. Они говорят на одном языке – языке психики, которая «считывает» чувственно воспринимаемую материю образов. Язык сознания, форма существования которого – абстрактно-логические понятия (структурированные в системы, системы систем, имеющие тенденцию превращаться в целостность), нужен литературоведению лишь для придания ему культурной легитимности. Литературоведению не нужна методология, то есть научность, ибо предмет его заботы не содержательность, а социальная, психоидеологическая актуальность (в значительной мере – бессодержательность).

Какая литература и какое литературоведение преобладают сегодня, какая литература и какое литературоведение нужны людям?

На этот сложный вопрос ответить, к сожалению, очень просто: нужна та литература, которая в наименьшей степени является литературой, и нужно то литературоведение, которое меньше всего является наукой. Сказанное не означает, что я иронически (хотя и не без элегических ноток) скорблю по поводу несовершенства мира. В гораздо большей степени оно означает то, что буквально написано: литература и наука по поводу литературы сегодня могут существовать только в той форме, в которой они существуют, – весьма и весьма несовершенной и далекой от идеальных образцов. В противном случае они перестанут существовать. У нас нет выбора. И не будет до тех пор, пока не появится личность как объект социальной заботы. Общественные потребности – личность – литература – литературоведение: только в такой связке возможен духовно-информационный «взлет» человека (то есть превращение бездуховного, биосоциального по своему генезису индивида в биосоциодуховный объект – личность).

Как видим, суть литературного парадокса в том, что литература по определению считается продуктом сознания, продуктом

АНДРЕЕВ

Анатолий Николаевич.

Родился в 1958 году в г. Североуральске (Россия). В 1984 году окончил филологический факультет Белгосуниверситета имени В.И. Ленина.

Работал учителем русского языка и литературы, затем – замдиректора по воспитательной работе в СШ № 9 и № 140 г. Минска. С 1988 по 1990 год – аспирант филологического факультета БГУ. С октября 1990 года работает на филологическом факультете БГУ.

В 1991 году защитил кандидатскую диссертацию.

С сентября 1993 года – доцент кафедры теории и истории литературы БГУ.

В 1998 году в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова защитил докторскую диссертацию по теории литературы. С сентября 1999 года – профессор кафедры теории литературы БГУ.

В 2004 году присвоено ученое звание «профессор». Член Союза писателей Беларуси.

Автор научных монографий, а также художественных произведений – романов, повестей, рассказов, пьес. Сфера научных интересов: теория и история литературы, культурология.

личностным, концептуальным. На самом деле – это инструмент и результат бессознательного (коллективного или индивидуального) отношения к миру. Литература и литературоведение – это щупальца коллективного бессознательного, «запущенные» в разные зоны ментальности с одной целью (ибо бессознательное тоже «преследует цели», точнее, подчиняется определенной логике): обслуживать потребности данного типа социума, по определению ориентированного на бездуховность.

Чем объясняется такое положение вещей? Человек эпохи демократии, последней стадии цивилизации, homo economicus, если не считать нескольких антуражных библейских заповедей, создан из двух прабиблейских канонів, сформулированных еще в дописьменную эпоху и отражающих реальные потребности реального человека. Первый гласит: **всё на продажу**. Другой вторит: **кто сильнее, тот и прав** (а сильнее, разумеется, тот, кто эффективнее реализовывает первую заповедь).

Кульм силы, силовая регуляция всех отношений – экономических, политических, нравственных, эстетических – вот «духовный» (точнее – волевой) стержень человека цивилизации. Рынок и демократия в этом контексте становятся инструментами диктатуры бессознательного.

Рынок – продление природной (силовой) регуляции, где деньги превращаются в эквивалент силы; однако «культурную» легитимизацию рыночных отношений обеспечивает демократия, при которой «простой» (то есть неспособный мыслить) человек свободным волеизъявлением выбирает отчего-то исключительно рыночные ценности. Никогда не ошибается. Ему подсказывают сердце и желудок. Но в этой монолитной цепи не хватает еще одного звена, превращающего прямую в треугольник, легко принимающий форму круга, а именно: религии. Sic: рынок – демократия – религия. На этих трех китах держится цивилизация. Следовательно, и литература, обслуживающая потребности цивилизации. Вот куда генетически восходит социотризм литературы.

Религия «духовно» освящает бессознательное копошение божьих тварей, не жизнь даже, а «суету сует»; не случайно на деньгах час-

тенько вытравливают священные надписи. Деньги – это святое. И в прямом, и в переносном, и в самом что ни на есть сакральном смысле этого слова. Для людей, «мыслящих» в рыночных категориях, деньги неизбежно превращаются в смысл и цель существования. Рынок, демократия, религия – вот способы порабощения личности, которые ее же и породили, создали социальные условия для ее возникновения.

Отсюда культ «текущего момента», сиюминутности и прагматичная нацеленность на все «святое», в том числе экзистенциальное, – это проекция психологии homo economicus'a. Бессознательно homo economicus делает все, чтобы выжить, как он делал это и раньше, и всегда. Однако в изменившихся условиях, где фактором выживания становится уже и духовная регуляция, он, выживая, одновременно делает все, чтобы погибнуть (не отдавая себе в этом отчета). Под эти бессознательные установки и приспособляются наука с литературой, отражающие «всю правду» о человеке: «свет мой, зеркальце, скажи, да всю правду доложи». Homo economicus видит то, что хочет видеть, и «не желает» (ибо не может) замечать то, что видит личность.

В данном контексте становится понятно, как функционируют критерии художественности (критерии содержательно-формальные). В социотристическом ориентированном литературоведении смысловыми критериями становятся эстетически аранжированные идеологемы. Что касается собственно научных критериев художественности, то здесь парадокс в том, что основой, базой художественной параметрики является то, что к собственно эстетическому началу, казалось бы, не имеет никакого отношения: идейно-концептуальная содержательность. Чем ближе к Истине творец – тем больший потенциал художественности к его услугам (ключевое слово во фразе – потенциал). Следовательно, нет непроходимой пропасти не только между нынешними «бессознательными» модусами художественности и научности, но и между вполне «сознательными» наукой и литературой. Более того: литература заинтересована в развитии науки в плане принципиальном, с позиций некоей идеальной научно-художественной (информационной) раскладки.

В реальности же мы имеем то, что имеем: социальное, а также его крайность – индивиду-

альное, поглотило художественное; экзистенциальное (то есть имеющее реальное отношение к Истине) перестало пробиваться сквозь макияж художественного. Существуют только исключения, подтверждающие правило.

Приходится формулировать печальную (для личности) и радостную (для несовершенного социума) закономерность: чем меньше экзистенциального – тем больше социального. Литература, достигающая степеней искусства, предназначена для личности, homo sapiens'a; для человека, homo economicus'a – читиво, паралитература.

В связи с этим, после теоретического разграничения понятий *личность* и *индивид*, возникает необходимость дифференцировать мораль и нравственность, которые становятся этическим аспектом содержания художественных произведений.

Мораль – это система ценностей, принимающая форму норм и правил, которая регулирует поведение индивида с точки зрения интересов общества; мораль – это свод социоцентрических догм и канонов, обеспечивающих приоритет потребностей социума над потребностями личности. Интересы личности включаются в мораль ровно в той степени, в какой личность востребована обществом, интересна обществу (то есть в степени минимальной).

Нравственность – это система ценностей, принимающая форму норм и правил, которая регулирует поведение индивида с точки зрения интересов личности (в которые интересы общества включаются по определению). Нравственность – это диалектически гибкий (однако универсальный, согласно требованиям все той же диалектики) нормативный кодекс личности, в основе которого лежит персонцентрическая ориентация.

Мораль и нравственность соотносятся так же, как индивид и личность, как социоцентризм и персонцентризм, как психика и сознание – как натура и культура. Собственно, мораль и нравственность и являются ментальными модусами природы и культуры: это частные случаи проявления закона сохранения информации, это системно организованные заповеди и принципы, которые обслуживают разные субъектно-объектные отношения.

Глупо ставить вопрос о том, что предпочтительнее – мораль или нравственность. Все зависит от точки отсчета. Мораль – это безусловная система ценностей в мире, где отно-

шения регламентируются интеллектом – инструментом продления бессознательного. Если же отношения человека с миром начинают регулироваться разумом (сознанием), мораль уступает место нравственности, как более низкая система регуляции – более развитой, высокой. Нравственность возникает на основе морали, но не отрицает последнюю.

В данном контексте становится понятно, что индивидоцентризм и персонцентризм аморальны, но по-разному аморальны. Если индивидоцентризм является отрицанием морали «в пользу» природной (антикультурной) регуляции, то персонцентризм – отрицание морали с позиций нравственности, конструктивное, культурное, разумное отрицание с сохранением всех положительных моральных достижений, совмещающихся с культурой. Вот почему личность, субъект нравственности (и следовательно, персонцентризм как социокультурный феномен) если и превратится в асоциальный, антиобщественный и потому аморальный «элемент», то попросту станет индивидом (ибо утратит особенности своей информационной природы). Индивид – либо результат деградации личности, либо ее природная составляющая, которая стремится к полноценному личностному формату. Дело в том, что социальные отношения личности становятся качественно иными, более сложными, нежели у «субъекта морали», – они становятся целостными (не системными), перерастают рамки системы. Как целостность отличается от системы, так мораль отличается от нравственности (личность от индивида, культура от природы). Вот почему угроза моральным устоям со стороны личности преувеличена, а отрицание устоев индивидом – недооценено. Это происходит потому, что фактически ставится знак равенства между «аморальными» субъектами – личностью и индивидом.

Искусство, содержательной базой которого является морально-социальная проблематика, идейным стержнем конфликтов так или иначе делает столкновения не психики и сознания, а психики (чувств) и интеллекта как высшей формы психики (вооруженной логикой чувств). Чувства как способ удовлетворения потребностей индивида противостоят долгу (актуализации общественных эмоций, «совести» гражданина – общественно ответственного индивида). Бессознательный,

по сути, конфликт бессознательным способом решается на основе морали – бессознательных предписаний социоцентрического характера. Отсюда – культурная бессодержательность «моральной» литературы. Мораль – это и есть экзистенциальный предел литературы, плохо представляющей себе, что такое личность.

Искусство, в центре которого находится личность, homo sapiens, обречено исследовать конфликт «горе от ума», конфликт сознательного и бессознательного типа отношений, где права всегда личность, а победу торжествует социум.

Свято место пусто не бывает, или, по-другому, отсутствие более сложно организованной информации компенсируется агрессивным наплывом информации, организованной менее сложно. Нет нравственности – ее функции выполняет мораль.

Диалектика абсолютного и относительного – вот механизм жития-бытия всего на свете, в том числе литературы. Глупо жаловаться на этот закон законов. Однако нельзя не замечать, как люди склонны абсолютизировать относительную истину.

Приведем яркий образчик современного типа мышления, определяющего, конечно же, и литературное развитие. Всех интересует глобальное потепление. Обратим внимание: социум интересуется не человек, бессознательно проинтерпретировавший свои потребности таким образом, что их удовлетворение неизбежно должно привести к потеплению, а потепление как таковое, природа как таковая, не связанные, якобы, с природой человека. Интересуют физические и химические явления, не духовно-психологические, философские. Интересует не причина, а следствие, ибо не укоренился навык увязывать одно с другим. Ведь ясно же: уберешь одно негативное следствие порочной практики жить не думая – появятся тысячи новых. Но это никого не интересует, вот что характерно.

Главные вопросы откладываются на потом, а сейчас, мол, не до жиру, быть бы живу. Но это и есть великолепный образец той самой логики бессознательного, логики, презирующей и отвергающей научную логику.

Выжить можно только решая главные вопросы в увязке с неглавными. Сам факт зачисления вопросов духовных в неглавные, второстепенные, сам факт спокойного отно-

шения к тому, что наш гуманитарный космос перевернут вверх ногами, дискредитирует научное – а значит, и художественное! – сознание. Это ненаучная постановка проблемы выживания человека. Мы просто не выживем, и дело так и не дойдет до постановки главных вопросов.

Конечно, глупо отрицать, что наука и искусство смогли выжить и развиваться только благодаря тому, что они ориентировались на социальные заказы (в большей или меньшей степени). В конце концов, базовые потребности определяют «менее базовые». До поры до времени это было ненормально с «чисто научной» точки зрения, но вполне нормально с точки зрения развития человека и общества, с точки зрения развития личностных и общественных потребностей человека, которые (потребности) рано или поздно приводят к необходимости развития науки именно как науки, а не как бессознательного приспособления к невозможности стать наукой.

Будем откровенны: индивиду, homo economicus'у, не нужна наука как наука, литература как литература соответственно – они необходимы ему как формы психологического приспособления, как способы достижения духовного комфорта (как суррогат духовной деятельности, где экзистенциальная проблема счастья подменяется психологической проблемой удовольствия), как способы уклониться от необходимости быть личностью. Наука и литература (искусство) нужны человеку, который получает реальную возможность стать личностью.

Личность и социум: только в таком информационном пространстве может существовать гуманистически ангажированная наука и «научное искусство». Вся проблема в том, что сегодня стало нашей базовой потребностью – потребностью уже не просто биосоциального, но биосоциодуховного существа, в которое превратился человек, сам того не заметив. Базовой потребностью стала потребность разумного существования. Это и есть проклятая проблема нашего времени; все остальное – проклятые следствия проклятой проблемы.

Литература как феномен духовно-экзистенциальный – это отражение вовсе не литературной, а духовно-социальной проблемы: превращения индивида в личность. ■